

Н. Шильдер

Адрианопольский мир

1829 года

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Шильдер**
Адрианопольский мир: 1829 года / Н. Шильдер – М.: Книга по Требованию, 2014. – 66 с.

ISBN 978-5-517-82154-6

Адрианопольский мир 1829 года. Из переписки графа Дибича.

ISBN 978-5-517-82154-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Со мною всего нижеслѣдующее число войскъ:

Второго пѣхотнаго корпуса:

2-я бригада 2-й гусарской дивизіи менѣе 1,000 лош.

1^{1,2} роты конной артиллеріи 12 оруд.

(Полкъ эрцгерцога Фердинанда и 4 орудія находятся съ генераломъ Будбергомъ на пути изъ Киркилисы; полкъ Павлоградскій съ генераломъ Завадскимъ былъ посланъ въ Казань).

5 полковъ пѣхоты 5-й дивизіи съ артиллеріею 4,000 челов. и
24 оруд.

(Ладожскій полкъ прикрываетъ главную квартиру и обозъ).

6-я пѣхотная дивизія съ генераломъ Будбергомъ.

Всего 2-го корпуса: 1,000 лош., 4,000 чел., 36 орудій.

Шестаго пѣхотнаго корпуса:

4-я дивизія уланская около 2,000 лош. и 8 орудій

5 полковъ 16-й пѣхотной дивизіи 3,000 чел. и 24 »

(Камчатскій полкъ не могъ быть еще въ дѣйствиіи вслѣдствіе подорвѣнія въ заразѣ, отъ которой умерло двое).

7-я дивизія еще откомандирована , за исключеніемъ 10 оруд.

Всего 6-го корпуса: 2,000 лош., 3,000 чел., 42 оруд.

Седьмаго пѣхотнаго корпуса:

2-я бригада Бугской уланской дивизіи 1,500 лош.

18-й дивизіи, 4 полка съ резервами 4,000 чел.

и 16 оруд.

(35-й егерскій полкъ еще въ походѣ, а Казанскій еще остался въ Базарджикѣ; 8 орудій еще идутъ съ Балканъ).

3-я бригада 19-й дивизіи 1,200 чел. и 12 оруд.

Всего 7-го корпуса: 1,500 лош., 5,200 чел. и 32 оруд.

Итого: 4,500 лошадей, 12,200 челов. пѣхоты и 100 орудій.

Еще 7-го вечеромъ я произвелъ съ генераломъ Толемъ подробную рекогносцировку окрестностей Адрианополя и ближайшихъ къ нему доступовъ и, отдавъ необходимыя диспозиціи для атаки, я отправилъ парламентаря къ каймакаму Мехмеду-пашѣ, который начальствовалъ надъ городомъ во время отсутствія Али-паши, занявшаго мѣсто Абдурахмана-паши, съ обычными предложеніями для сдачи города, предоставляя войскамъ свободное отступленіе, лишь только они отдадутъ оружіе и знамена. Срокъ отвѣта былъ назначенъ до четырехъ часовъ 8-го числа. Мой парламентаръ былъ предупрежденъ, что сераскиръ Галиль, трехбунчужный Ибрагимъ-паша, командовавшій войсками и каймакамъ просятъ отсрочку на недѣлю, или по крайней мѣрѣ на три дня, будучи увѣренными въ предстоящемъ заключеніи мира, предложеннаго мнѣ уже визиремъ; къ тому же они ссылались на необходимость просить приказаній изъ Константинополя. Фонтонъ, который самъ отправился для переговоровъ, отказалъ имъ на-отрѣзъ; я счелъ, однако, возможнымъ дать имъ отсрочку до девяти часовъ утра, потомучто раньше этаго часа не-

возможно было направить колонны для атаки рѣшительныхъ пунктовъ. Я имъ объявилъ откровенно, что ни на минуту не остановлюсь въ своемъ движеніи. Всѣ колонны двинулись въ пять часовъ утра. Но они едва успѣли тронуться съ мѣста, какъ въ 5¹/₄ парламентары города объявили, что они готовы подчиниться предложеннымъ условіямъ, но съ просьбою оставить оружіе пашамъ и главнымъ офицерамъ, на что я охотно согласился, зная, какую цѣну они придаютъ оружію, и будучи увѣренъ, что они постараются избѣжать случая поднять его противъ насъ.

Затѣмъ согласились къ девяти часамъ освободить для насъ казармы— прекрасное зданіе на 8000 человекъ пѣхоты, старый сераль и сдать ключи отъ цитадели (расположенной въ центрѣ христіанской части города), такъ какъ городъ самъ-по-себѣ не имѣетъ воротъ. Въ то же время Турецкія войска, во избѣжаніе беспорядковъ въ городѣ, должны были положить оружіе тамъ, гдѣ они находились; подчинившіеся этому требованію могли быть выведены изъ города ихъ начальниками по любой дорогѣ, кромѣ Константинопольской.

Я остановилъ движеніе пѣхоты, которую велъ самъ, и кавалеріи, состоящей подъ начальствомъ графа Толя, между тѣмъ какъ остальная часть этой послѣдней продолжала двигаться по дорогамъ на Константинополь и Демотику.

Послѣ 7-ми часовъ прибылъ еще парламентёръ, вручившій мнѣ пакетъ, въ которомъ лордъ Гордонъ и графъ Гильемино просили меня отправить два пакета ихъ посланникамъ въ Петербургъ и предупреждали о предстоящемъ приѣздѣ г. Мюффлинга, не сообщая больше ничего. Турки же приписывая этимъ бумагамъ другое значеніе и рассчитывая даже на посредничество, велѣли сказать мнѣ, что курьеръ сообщилъ имъ, что переговоры относительно Греціи окончены, и что Турецкіе уполномоченные находятся уже въ дорогѣ (это мнѣ показалось весьма сомнительнымъ); поэтому они полагали, что я найду излишнимъ занять городъ за нѣсколько дней до мира. Я просилъ увѣрить ихъ въ противномъ и, чтобы яснѣе подтвердить сказанное, я приблизился съ пѣхотою и остановился въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Тогда произошло единственное въ моемъ родѣ зрѣлище: тысячи жителей всякаго возраста, Турки и христіане дружелюбно выходили на встрѣчу нашимъ войскамъ, которымъ запрещено было стрѣлять, развѣ только въ случаѣ нападенія. Между этими жителями находилось большое количество солдатъ изъ регулярныхъ войскъ, безъ оружія, и много офицеровъ, вооруженныхъ и невооруженныхъ, которые пришли только изъ любопытства. Въ то же время паши велѣли сказать мнѣ, что въ опредѣленный мною часъ они передадутъ вышеупомянутые пункты, равно какъ и ключи. Дѣйствительно въ 10 часовъ я получилъ ихъ изъ рукъ каймакама и двухъ-бунчужнаго Али-паши, того самага, который командовалъ въ Дервишкѣѣ. Сераскиръ Галиль и Ибрагимъ-паша изъ Тульчи, явно испуганные нашимъ приближеніемъ, поспѣшно заставили положить

оружіе большую часть солдатъ регулярной пѣхоты, численностью отъ 3 до 4000 человекъ, находившихся въ городѣ; это были остатки полковъ, разбитыхъ и разсѣянныхъ при Камчикѣ, Месемвриѣ, Айдосѣ и Ямболѣ; они хотѣли потомъ бѣжать по дорогѣ въ Константинополь вопреки конвенціи, но эта Турецкая беспорядочность причинила имъ непріятность попасть въ руки генерала Крейца, который, продержавъ ихъ нѣсколько часовъ и обезоруживъ, отправилъ по дорогѣ въ Демотику.

Въ городѣ и его окрестностяхъ намъ достались 54 орудія, изъ числа которыхъ 12 полевыхъ, 6 осадныхъ и 8 фальконетовъ, изъ нихъ четыре весьма древнія и двѣ съ Французскою надписью: «liberté et égalité»; 5 бунчуковъ, изъ коихъ одинъ урѣзанъ, нѣсколько тысячъ ружей, которыя я роздаю Болгарамъ для ихъ собственной защиты; много пороха и другихъ военныхъ принадлежностей.

Я приказалъ генералу Будбергу двинуться къ Киркилиссѣ; войска, находившіяся тамъ, были легко обращены въ бѣгство гусарами эрцгерцога Фердинанда полка, и генераль Будбергъ думаетъ теперь занять Люле-Бургасъ, гдѣ я ему прикажу остановиться, выдвинувъ впередъ только козаковъ. Османъ-паша, выступившій съ нѣсколькими тысячами человекъ изъ Константинополя, возвратился въ столицу, лишь только узналъ о нашемъ движеніи къ Адрианополю и о приближеніи генерала Будберга.

Послѣ прибытія резервовъ, назначенныхъ для 5-й дивизіи, я отправляю ихъ послѣ суточного отдыха съ графомъ Паленомъ въ Киркилиссу; генераль Будбергъ займетъ Визу и очиститъ дорогу въ Мидію, которую я приглашаю занять адмирала. Такимъ образомъ я приготовлю новую линію для снабженія провіантомъ на случай неудовлетворительнаго хода переговоровъ, которые надѣюсь скоро откроются. Въ ожиданіи этаго я соберу все, что могу, и организую страну.

Новости отъ генерала Киселева менѣе утѣшительны, чѣмъ прежде. Генераль Гейсмаръ, охваченный Богъ-знаетъ почему какими-то неосновательными опасеніями въ виду возможныхъ дѣйствій со стороны Скодрійскаго паши, перешелъ опять Дунай, вмѣсто того чтобы двинуться противъ этаго паши къ Виддину, разбить и уничтожить его жалкія войска, какъ онъ самъ сознавался въ этомъ брату князя Милоша, который сообщилъ объ этомъ генералу Гейсмару. Этотъ генераль, отличный на полѣ битвы, къ несчастью интриганъ и плохій подчиненный. Я съумѣю принять мѣры, которыя разрѣшатъ мнѣ довѣріе вашего величества и которыя, если только этаго не потребуетъ долгъ службы, не оскорбятъ генерала, оказавшаго дѣйствительныя услуги. Я приказалъ генералу Киселеву снова перейти Дунай, чтобы разбить Скодрійскаго пашу, оставивъ двѣ бригады пѣхоты и одну кавалеріи передъ Журжевымъ.

28-го числа генераль Красовскій разбилъ при Марашѣ съ 14-ю баталіонами и 8-ю эскадронами великаго визиря, который, вѣроятно, по совету Гуссейна паши, хотѣлъ воспользоваться разбросанностью силъ сли-

шеомъ смѣлаго генерала Красовскаго. Турки отступили передъ сильнымъ огнемъ конной батарей № 19 и батарейной 9-й бригады; наши молодцы преслѣдовали ихъ вплоть до ретраншементовъ, разсѣявшись по горамъ, окружающимъ Шумлу. Потеря ихъ простирается до 1000 человекъ. Нѣсколько дней спустя генералъ Красовскій сдѣлалъ рекогносцировку со стороны Дормуса; онъ нашелъ позицію горы Трубецкаго весьма сильною, но Турки даже не осмѣлились беспокоить его.

Генералы князь Лобановъ и Глинка только-что прибыли сюда. Рапорты перваго о чумѣ были, вообще, удовлетворительны; завтра онъ ѣдетъ въ Сизополь. Зараза, благодаря Богу, кончается повсемѣстно.

Поднося при семъ ключи отъ Адрианополя, черезъ фельдъегеря, который, согласно съ принятымъ порядкомъ, передастъ другому въ карантинѣ, я отправлю днемъ позже моего адъютанта, графа Толстаго, со знаменами морскимъ путемъ черезъ Одессу ¹.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адрианополь.—9-го августа 1829.

Всемилоствѣйшій Государь! Въ то время, какъ я описывалъ еще въ моемъ письмѣ событія войны, я получилъ одно оффиціальное письмо, а другое частное отъ генерала Мюффлинга черезъ поручика Прусскаго генеральнаго штаба Клера и письмо отъ лорда Гордона и графа Гильмино. Въ нихъ сообщаютъ мнѣ рѣшеніе Порты прислать полномочныхъ съ предложеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ нота графа Нессельроде; но опущены два главныхъ пункта, а именно: вознагражденіе правительства, о которомъ они даже вовсе не упоминаютъ, и пострадавшей торговли; относительно этаго они предлагаютъ снестись послѣ съ Константинополемъ.

Такъ какъ я долженъ тщательно перечитывать эти депеши и въ особенности сообразить хорошенько отвѣтъ, и къ тому же Фонтонъ къ несчастью болѣнъ, равно какъ и двѣ трети моей главной квартиры, то, нежелая задерживать курьера, и безъ того промедлившаго уже цѣлыя сутки, я отправлю съ фельдъегеремъ всѣ эти бумаги и мой отвѣтъ къ графу Нессельроде черезъ два, или самое большое, черезъ три дня. Но считаю долгомъ прежде всего сказать Вашему Величеству, что, придерживаясь смысла данныхъ мнѣ инструкцій, буду, насколько возможно, самымъ вѣжливымъ образомъ избѣгать всякаго посторонняго вмѣшательства, несогласнаго съ приказаніями Вашего Императорскаго Величества. Я уже просилъ и снова буду просить, чтобы намъ прислали Турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ по всѣмъ пунктамъ, изложен-

¹ Во всѣхъ печатаемыхъ нынѣ письмахъ графа Дибича опущены заключительныя слова, съ небольшими вариантами нижеслѣдующаго содержанія: «Daignez, Sire, mettre aux pieds de sa Majesté l'Impératrice mes très humbles hommages et veuille: agréer les sentiments de la profonde reconnaissance et du fidèle attachement, avec lesquels j'ai le bonheur d'être, Sire, de Votre Majesté Impériale, le très humble et très fidèle serviteur C-te I. Diebitch». *Н. III.*

лымъ въ нотѣ графа Нессельроде, и неуклонно буду слѣдовать инструкціямъ, если не получу новыхъ. Мнѣ было бы весьма желательно, чтобы наши уполномоченные прибыли какъ-можно скорѣе; я объ нихъ не имѣю ни какихъ свѣдѣній, за исключеніемъ того, что графъ Паленъ долженъ выѣхать изъ Одессы въ концѣ истекшаго мѣсяца. Фонтонъ, который заслуживаетъ полного довѣрія за его усердіе и искусство, достойныя величайшихъ похвалъ, будетъ руководить пока переговорами съ Турецкими уполномоченными, если только они пріѣдутъ ранъше. Рѣшительные переговоры, веденные на военный ладъ, представляются мнѣ все болѣе и болѣе вѣроятными, принимая во вниманіе, что Турецкой арміи между нами и Константинополемъ болѣе не существуетъ; что армія подъ Шумлою есть не что иное, какъ мѣстный гарнизонъ, недостаточный для обороны; что султанъ имѣетъ только 8 баталіоновъ въ Рамизъ-Чифликъ; что Турки вездѣ высказываютъ недовольство султаномъ, а довольны поведеніемъ нашихъ войскъ; наконецъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что то же настроеніе господствуетъ и въ Константинополѣ.

Я только-что получилъ письмо изъ Тырнова отъ делегатовъ великаго визиря, которые объявляютъ себя уполномоченными для веденія мирныхъ переговоровъ; я приглашаю ихъ сюда и попрошу изложить ихъ полномочія.

Простите, Государь, если мое письмо относительно военныхъ дѣйствій будетъ написано рукою Чевкина, которому, слава Богу, гораздо лучше.

Толь очень изнуренъ: по своему усердію, онъ не обратилъ вниманіе на свое крайнее утомленіе. Палену лучше, но онъ также еще очень слабъ. Они повергаютъ себя къ стопамъ Вашего Величества.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адрианополь.—13-го августа 1829.

Всемиловивѣйшій Государь! Отправляя графу Нессельроде отвѣты Константинопольскимъ дипломатамъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность изложить вамъ въ то же время мысли, которыя находятъ себѣ подтвержденіе въ медленности Порты и въ положеніи страны, занятой вашими побѣдоносными войсками. Вамъ судить, справедливы ли онѣ и соотвѣтствуютъ ли онѣ вашимъ видамъ. Но мое убѣжденіе говоритъ мнѣ, что я зрѣло обдумалъ, прежде чѣмъ изложить ихъ вамъ. Третьяго дня, ночью, отправился поручикъ Клеръ, а нѣсколькими часами ранъше—курьеръ, который долженъ сопровождать пословъ изъ Шумлы; послѣдніе находятся въ Тырновѣ и могутъ быть здѣсь черезъ 3 или 4 дня.

Резервы прибываютъ къ намъ совершенно здоровые, и тѣ, которые отправляли и провожали ихъ, заслуживаютъ величайшей похвалы. Фронтальная часть нѣсколько запущена, но въ массѣ все пойдетъ очень хорошо. Мы не потеряемъ напрасно время отдыха, ибо опытъ доказалъ, что ученія, лишеныя нѣкоторой доли требовательности, полезны въ санитарномъ отношеніи въ этомъ климатѣ. Невыносимые жары текущаго мѣсяца, ко-

торые, кажется, не думают уменьшаться, породили много болѣзней; къ счастью, смертность еще не достигла большихъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе мы лишились недавно двухъ отличныхъ полковыхъ командировъ: Купфера—эрцгерцога Фердинанда полка и Атажева—Симбирскаго полка; также умеръ командиръ Копорскаго полка Шисновскій. Мы нашли здѣсь прекрасное помѣщеніе для госпиталя въ казармахъ, въ которыхъ кромѣ того помѣстились: вся пѣхота седьмаго корпуса, а именно, 4 полка 18-й дивизіи и егеря 19-й (которые находятся здѣсь). Людямъ хорошо и гораздо больше тѣни, чѣмъ въ лагеряхъ; вода превосходна, есть хорошія бани. •

Извѣстія о чумѣ очень утѣшительны; единственный, находившійся въ подозрѣніи Камчатскій полкъ уже нѣсколько дней не имѣетъ ни одного больнаго. Лобановъ отправился въ Сизополь, чтобы узнать, не остались ли слѣды чумы. Ея нѣтъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ Румелии, занятыхъ нашими войсками.

Толь все еще слабъ; онъ и Паленъ, который совсѣмъ поправился, повергають себя къ стопамъ В. И. В.

Дежурный генераль Обручевъ заболѣлъ сильною лихорадкою, ему лучше, но она все-таки оторветъ его отъ работы на значительное время; я назначилъ исправляющимъ должность Данилевскаго ¹.

Всеподданнѣйшая записка графа Дибича отъ 13-го августа 1829 изъ Адрианополя ².

Графъ Нессельроде представитъ В. И. В. мои отвѣты на сообщенія Англійскаго и Французскаго посланниковъ и барона Мюффлинга. Я желалъ бы очень, чтобы отвѣты соответствовали общимъ взглядамъ кабинета В. И. В. На сколько могъ, я старался быть вѣрнымъ смыслу дан-

¹ Генераль-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, извѣстнаго автора кампаніи 1812 года и другихъ военно-историческихъ сочиненій. *Н. III.*

² Записка графа Дибича отъ 13-го августа имѣетъ важное значеніе. Главнокомандующій предлагалъ въ ней императору Николаю, въ случаѣ третьей кампаніи противъ Турціи (веденіе которой онъ вовсе не признавалъ невозможнымъ), поднять Славянскія племена Балканскаго полуострова противъ своихъ поработителей и создать изъ нихъ сильныхъ организованныхъ союзниковъ для освобожденія Христіанскаго Востока.

Между тѣмъ доселѣ распространено мнѣніе, что если графу Дибичу не удалось бы запугать Турокъ и принудить ихъ къ подписанію мирнаго трактата, Русская армія, страшно разстроенная болѣзнями, представлявшая собою одинъ лишь призракъ, принуждена была бы отступить и при этомъ непременно бы погибла. Даже такой авторитетъ въ военномъ дѣлѣ, какъ графъ Мольтке, высказываетъ въ своей исторіи Русско-Турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ мнѣніе, что стоило Блистательной Портѣ продолжить въ Адрианополѣ упорство еще на нѣсколько дней, и побѣда была бы вырвана изъ нашихъ рукъ.

Если бы положеніе Русскаго главнокомандующаго оказалось въ 1829 году въ дѣйствительности настолько безвыходнымъ, какимъ привыкли его считать наши западные недоброжелатели, то конечно графъ Дибичъ не могъ бы предлагать государю приступить къ приготовленіямъ для третьей кампаніи и хладнокровно обсуждать возможность непріятія Турками предложенныхъ имъ великодушныхъ мирныхъ условій. Въ заключеніе остается сказать одно: событія 1828 и 1829 годовъ еще пребываютъ въ ожиданіи правдиваго исторіографа. *Н. III.*

выхъ мнѣ инструкцій. Надѣюсь, что на этихъ дняхъ къ намъ пришлютъ Турецкихъ уполномоченныхъ, но прежде чѣмъ мы добьемся мира, предстоитъ еще много затрудненій, ибо Турки выходятъ изъ границъ своею медленностью и упорствомъ, и кромѣ того всѣ увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ.

Въ случаѣ, если Турки не пришлютъ уполномоченныхъ, или въ случаѣ чрезмѣрной медленности переговоровъ, нужно будетъ еще подвинуть наши войска. Я долженъ сознаться, Государь, что при этомъ могутъ возникнуть случайности, которыя я не дерзаю скрыть отъ В. И. В., и относительно которыхъ я долженъ испросить вашихъ августѣйшихъ намѣреній.

Болѣзни, распространяющіяся въ войскахъ и которыя нѣкоторое время увеличатся еще до значительной цифры, сдѣлаютъ то, что пѣхотную дивизію возможно будетъ считать только въ 5,000 чел., включая сюда и резервы, что составитъ по ту сторону Балканъ 35,000 штыковъ; изъ нихъ слѣдуетъ вычестъ 10,000 для гарнизоновъ въ портахъ и крѣпостяхъ; остается затѣмъ 25,000 человекъ, которыхъ совершенно достаточно, чтобы дойти до Константинополя, ибо Турецкой арміи болѣе не существуетъ. Но количество это слишкомъ недостаточно, чтобы предпринять какія-либо операціи противъ города, насчитывающаго 600,000 мусульманскаго населенія, или чтобы овладѣть Европейскими замками на Босфорѣ. Можетъ случиться и такое благоприятное обстоятельство, что приближеніе нашихъ войскъ возбудитъ народъ противъ правительства и тѣмъ самымъ предоставитъ намъ городъ. Но вѣдь нельзя ни въ какомъ случаѣ рассчитывать на такіе случайные факты. Если же случится наоборотъ, то тутъ всего лучше могъ бы служить проэктъ, который я уже представилъ изъ Айдоса В. И. В., а именно—занять съ главными силами арміи Люле-Бургасъ и Силиврію, получая продовольствіе изъ Мидіи, и съ отдѣльнымъ сильнымъ отрядомъ овладѣть Галлиполи и Дарданеллами, совмѣстно съ нашимъ Средиземнымъ флотомъ. Во всякомъ случаѣ послѣ этихъ операцій мы будемъ вынуждены занять зимнія квартиры въ Румелии и тѣмъ самымъ начать третью кампанію. Но, по моему убѣжденію, эта кампанія должна необходимымъ образомъ повести за собою важныя перемѣны во взглядахъ Европейской политики на Турцію; тогда наши военныя дѣйствія непремѣнно начнутся атакою Константинополя, и взятіе столицы послужитъ знакомъ паденія Оттоманской имперіи.

Судя по великодушію, которое В. И. В. не перестаете оказывать Турціи, и принимая во вниманіе откровенность и честность во всѣхъ нашихъ поступкахъ, которымъ должна удивляться Европа, не смотря на зависть, возбужденную успѣхами вашего оружія,—мнѣ кажется, Государь, что наши дипломаты должны отнынѣ положить предѣлъ этому великодушію, если будетъ продолжаться упорство султана. Такимъ предѣломъ, полагаю я, долженъ быть отказъ Порты принять предложенныя

В. И. В. мирныя условія. Подобный образъ дѣйствій въ то время, когда наши знамена развѣваются на стѣнахъ Эрзерума и Адрианополя, могъ бы ясно доказать, что султанъ желаетъ продолжать борьбу,—исходъ которой не можетъ быть сомнителенъ,—единственно въ той надеждѣ, что его упорство не можетъ принести ему ни какихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря великодушію, которое такъ сказать напередъ обезпечиваетъ за нимъ неприкосновенность его владѣній, и спасетъ можетъ быть отъ справедливой уплаты вознагражденій, упорно прикрываясь крайностью, вызванною мнимою нищетою.

Я не думаю, чтобы вышеупомянутое измѣненіе въ политикѣ, которое явилось бы только прямымъ слѣдствіемъ продолжающагося доннынѣ слѣпаго упорства султана, могло быть заподозрѣно иностранными государствами. Я полагаю даже, что уничтоженіе Оттоманской имперіи въ Европѣ нисколько не устраситъ ихъ, если В. В. въ то же самое время торжественно объявите имъ, что удержите за собою только нѣсколько пунктовъ, необходимыхъ для поддержанія спокойствія въ вашихъ земляхъ, напримѣръ, Анапу, Цоти и Ахалцихъ, съ тѣмъ однако, что военныя издержки, простирающіяся отъ 10 до 15 милл. дукатовъ, будутъ выплачены намъ въ короткіе промежутки, подъ гарантіею Европейскихъ державъ, новыми государствами, образованными на территоріи Европейской Турціи, или путемъ какого-либо другаго соглашенія. Мы могли бы также замѣнить денежное вознагражденіе Молдавіею и Валахіею и частью Болгаріи отъ Дуная и моря до Варны и Силистріи. Двѣ трети жителей Европейской Турціи христіане; поэтому не трудно бы было раздѣлить ихъ на три или на четыре государства, достаточно сильныхъ для самозащиты, подъ гарантіею Европы, и въ то же время слишкомъ слабыхъ, чтобы возбудить опасенія какой-либо изъ великихъ державъ.

В. В. уполномочили меня вооружить Болгаръ, а Сербамъ дать сигналъ къ дѣйствію. Исполняя въ точности ваши повелѣнія, я полагаю, Государь, ограничиться пока однимъ частнымъ вооруженіемъ Болгаръ, необходимымъ для ихъ личной безопасности; а что касается до того, чтобы всецѣло выполнить предписанную мѣру, то я полагаю, что я обязанъ подождать, пока еще остается надежда на мирные переговоры, ибо возстаніе Сербовъ и Болгаръ причинитъ много затрудненій въ переговорахъ съ Портою и въ будущемъ безпредѣльно ухудшитъ участь Сербовъ, въ особенности же Болгаръ. Если же однако слѣпое упорство султана принудитъ насъ начать новую кампанію, тогда будетъ столь же необходимо, сколько полезно, побудить Сербовъ и Болгаръ дѣйствовать сообразно съ нашими видами. Но чтобы выполнить съ успѣхомъ эту рѣшительную мѣру, необходимо, чтобы эти народы получили надежду невозвратиться вновь подъ иго Оттоманское. Увѣренность эту необходимо поддержать даже въ отношеніи къ Туркамъ тѣхъ провинцій, которыя мы занимаемъ, потому что при отсутствіи подобнаго убѣжденія наши зимнія квартиры будутъ лишены безопасности.

Поэтому я осмѣлился, Государь, выразить вамъ мои мысли съ безграничною откровенностью, къ чему обязываютъ меня ваши приказанія и милости. Еще разъ повторяю, что мои предположенія примѣнимы лишь въ томъ случаѣ, если Порта откажется отъ почетнаго мира, предложеннаго ей В. И. В.; въ противномъ случаѣ, искренняя и безпредѣльная преданность заставитъ меня конечно предпочесть какъ самую священную изъ моихъ обязанностей—строгое соблюденіе вашихъ великодушныхъ обѣщаній. Но я не могу не повторить высказаннаго мною глубокаго убѣжденія, что это великодушіе должно имѣть опредѣленныя справедливыя границы, если вмѣсто благодарности Порта броситъ намъ перчатку для смертельной борьбы.

По моему мнѣнію можно дѣйствовать двумя способами, въ случаѣ если Турція отвергнетъ миръ:

1) Въ первыхъ числахъ сентября начать наступательное движеніе до Сарая и Чорлу и отдѣлить оттуда для Дарданеллъ войска; въ то же время стараться овладѣть всѣмъ, чѣмъ только можно, на Дунаѣ и взять Шумлу. Если эти операціи не окажутъ вліянія на заключеніе мира, то расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Румеліи и готовиться къ третьей кампаніи.

2) Объявить во всеуслышаніе, что съ Портою нельзя больше вести переговоровъ; двинуть прямо въ Сербію двѣ бригады пѣхоты генерала Киселева, чтобы, соединившись съ Сербами, идти на Виддинъ и другіе пункты этой страны; оставить передъ Журжей необходимое число войскъ и приказать генералу Киселеву двинуться съ остатками на Софію, чтобы овладѣть ею; въ то же время подвигаться съ главными силами къ Константинополю, гдѣ наши рѣшительныя движенія могутъ вразумить жителей, чтобы они съ помощью мятежа принудили къ миру правительство; не предпринимать ни малѣйшихъ операцій противъ города, отдѣлить корпусъ для занятія Дарданеллъ; вооружить повсемѣстно Румелійскихъ Болгаръ и съ помощью особаго отряда соединиться съ генераломъ Киселевымъ черезъ Филиппополь; наконецъ готовиться зимою къ новой кампаніи и заняться полнымъ вооруженіемъ Болгаръ и Сербовъ, чтобы въ началѣ весны можно было предпринять военныя дѣйствія и совершенно окончить покореніе Европейской Турціи.

Для исполненія cadaго изъ этихъ проектовъ необходимо, чтобы указанія В. И. В. были бы мнѣ извѣстны ранѣе половины сентября, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ еще мѣсяць времени для ихъ выполненія. Кромѣ того, такъ какъ опытъ показалъ, что численность пѣхотной дивизіи къ веснѣ не превзойдетъ 5000 человекъ, то оба проекта требуютъ, чтобы къ началу весны, по ту сторону Балканъ, находились всѣ войска, составляющія теперь вторую армію. Нужно, или чтобы резервные баталіоны 6-го и 7-го корпусовъ съ 4-ю гусарскою дивизіею заняли княжества и Болгарію, чтобы освободить войска, находящіяся подъ начальствомъ генераловъ Киселева и Красовскаго, или чтобы Ваше Вели-

чество приказали двинуться двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ Литовскаго корпуса, или же (что было бы даже еще лучше по моему мнѣнію)—одну пѣхотную дивизію этаго корпуса, а другую изъ Польской арміи: это возбудитъ братскія отношенія между войсками обѣихъ націй, по примѣру превосходныхъ Польскихъ офицеровъ, которые находятся уже у насъ и признаны всѣми достойными братьями нашими по оружію.

Съ такими силами можно поручиться за окончательное покореніе Европейской Турціи до истеченія будущаго лѣта и подчиненіе ея тѣмъ новымъ правительствамъ, которыя В. В. желали бы учредить. Боснія и Албанія только могутъ служить исключеніемъ. Но я полагаю, что Австрія и Англія или Франція охотно возьмутъ на себя ихъ покореніе, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя права на ихъ организацію, или на какое-либо вознагражденіе, смотря по тѣмъ предположеніямъ, которыя представятъ имъ.

Части Черноморскаго флота съ корпусомъ войскъ, расположеннымъ гарнизонами въ фортахъ Дарданелль и Босфора (которые могутъ быть скрыты спустя нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира), будетъ достаточно для защиты вновь устроенныхъ государствъ противъ нападений Турокъ. Впрочемъ, послѣдніе, удаленные въ Азію, будучи угрожаемы изъ Эрзерума въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній, конечно будутъ склонны къ миру, особенно, послѣ того, какъ они убѣдятся, что безвозвратно потеряли свои владѣнія въ Европѣ и даже остались безъ союзниковъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Дибича.

Адрианополь.—17-го августа 1829.

Всемиловѣйшій Государь! Вчера я получилъ письмо В. В. отъ 4-го августа, которымъ Вы осчастливили меня. Не нахожу словъ, Государь, выразить мою глубочайшую признательность за всѣ выраженія монаршей милости, которыми оно преисполнено. Я вполне счастливъ, что Богъ благословилъ усиленные труды и усердіе всѣхъ моихъ доблестныхъ и достойныхъ сослуживцевъ, пользоваться которыми въ отношеніи къ нимъ составляло для меня пріятный долгъ. Событія этой войны оправдали вѣру мою въ доблести арміи, съ которою познакомилъ меня почти 30 лѣтній опытъ и участіе болѣе нежели въ 100 сраженіяхъ. Эта надежда не была иллюзіею и не происходила отъ чрезмѣрно пылкаго довѣрія, которое, слава Богу, никогда не заставляло меня терять изъ виду соображенія, основанныя на разсчетѣ.

В. В., связавъ мою фамилію съ воспоминаніями доблестныхъ подвиговъ храбрецовъ, которыхъ вы ввѣрили моему начальству, равно какъ и имя мое съ полкомъ, который имѣлъ счастье доказать, что онъ не былъ недостойнъ царскихъ щедротъ—удостоили меня выраженіемъ вашего августѣйшаго благоволенія, что составляетъ самую драгоценную награду для человѣка, безпредѣльно преданнаго своему Государю. По-